В.В. Малахов

ПОКА ГОРИТ СВЕЧА...

2006

Владимир Малахов

«Пока горит свеча…» Очерки по истории кафедры зоологии беспозвоночных Московского государственного университета

«Товарищество научных изданий КМК»

2006

Малахов В. В.

«Пока горит свеча…» Очерки по истории кафедры зоологии беспозвоночных Московского государственного университета / В. В. Малахов — «Товарищество научных изданий КМК», 2006

ISBN 5-87317-317-6

Книга написана в связи с 250-летием Московского университета и рассказывает об истории одной из его кафедр – кафедры зоологии беспозвоночных. В живой и увлекательной форме рассказано о становлении кафедры, важнейших этапах ее развития, научных достижениях, трудностях и проблемах, которых было немало на протяжении полутора веков жизни кафедры. В жизни маленькой кафедры своеобразно отразилась сложная и противоречивая история великой страны. Читатель узнает о деятельности выдающихся ученых и педагогов, подвижников российской науки и образования, таких как К. Ф. Рулье, А.П. Богданов, А.А. Тихомиров, Н.Ю. Зограф, Г.А. Кожевников, Л.А. Зенкевич, В.Н. Беклемишев, Г.Ф. Гаузе, Н.А. Перцов, Я.А. Бирштейн, Г.Г. Абрикосов, В.А. Броцкая, М.С. Гиляров, В.А. Свешников, КВ. Беклемишев, Г.Б. Зевина и многие другие. Книга богато иллюстрирована, в том числе, редкими фотографиями. Второе издание дополнено новым фактическим материалом и новыми фотографиями. Книга предназначена для зоологов, историков науки, москвоведов, для выпускников Московского универе ‘итета. Создатели книги надеются, что она окажет помощь молодежи, выбирающей свой путь в науке.

ISBN 5-87317-317-6

© Малахов В. В., 2006
© Товарищество научных изданий
КМК, 2006

Содержание

Предисловие 7
«Изучи во всех подробностях животных своей родины» 8
Великий бессребреник 14
Кто изгонял Бога из науки? 18
«Не читайте советских газет!» 23
Великий Лев и море 30
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Владимир Малахов «Пока горит свеча…». Очерки по истории кафедры зоологии беспозвоночных Московского государственного университета

Посвящается 250-летию Московского университета

Издание 2-е, дополненное

Товарищество научных изданий КМК

В оформлении обложки использована картина В.М. Корнева «Апрель» (2004 г.)

Предисловие

Дорогой читатель!

Перед Вами – книга, в которой сделана попытка рассказать историю одной из кафедр Московского университета. Кафедра зоологии беспозвоночных – отнюдь не самая старая в Московском университете и, наверное, есть кафедры с более интересной и драматичной историей. Но что поделаешь, каждый пишет о том, что дорого его сердцу. Этой кафедре, ее студентам и сотрудникам были отданы прожитые мной годы. В нашей стране и в мире есть много научных учреждений, в которых можно работать спокойнее, комфортабельнее и, вероятно, эффективнее (в смысле научных результатов), но если бы мне пришлось начинать жизнь сначала, я все равно выбрал бы беспокойную жизнь на кафедре Московского университета.

Я пришел на кафедру более трех десятков лет назад, и мое личное отношение к событиям нашло отражение в рукописи. «Sine ira et studio» – написал Тацит о занятиях историей. Я осознаю, что не в силах следовать завету великого римлянина. Я пишу с позиций человека своего времени, поэтому на страницах книги есть и любовь, и гнев, и пристрастие. Мне очень хотелось написать обо всех упомянутых людях только хорошее, но это не всегда получалось. Написать только хорошее, представить все в розовом свете – это ведь даже хуже, чем пристрастие, это – своего рода сознательный обман. Наши ошибки творят историю так же, как и правильные, хорошие поступки.

Жизнь кафедры протекала в обществе, которое в разные периоды по-разному относилось к образованию и науке. История маленькой кафедры неразрывно связана с историей большой страны. Вот почему я не мог избежать длинных отступлений, в которых пытался связать события на кафедре с жизнью нашей страны. Я прошу у читателя прощения за наивность моих рассуждений на общеисторические темы.

Во время работы над этой книгой я использовал работы Л.А. Зенкевича, книг и статьи Андрея Белого, Я.М. Галла, Н.И. Калабухова, Б.Н. Кузина и другими опубликованными источниками, а также – устными рассказами старших сотрудников кафедры. Я благодарен Э.И. Извековой, А.А. Львовой, Т.Л. Муромцевой, Н.М. Перцовой, Н.М. Шалаевой и многим другим сотрудникам кафедры, которые помогли разыскать иллюстративные и печатные материалы по истории кафедры. Я глубоко признателен В.Н. Иваненко, оказавшему неоценимую помощь при подготовке первого издания этой книги.

После выхода в свет первого издания этой книжки я получил много советов, замечаний и дополнений. Особую благодарность я приношу А.М. Гилярову (он много рассказывал мне о своем отце М.С. Гилярове, о Г.Г. Винберге и других выдающихся биологах), Г.Д. Лебедевой (которая любезно снабдила меня материалами о студентах и сотрудниках кафедры – участниках Великой Отечественной войны и рассказала о Карской экспедиции), Н.Н. Смирнову (рассказавшему мне о жизни В.В. Алпатова), Л.В. Чесновой. Первое и второе издание книги было подготовлено к печати И.А. Жирковым. Публикация этой книги – заслуга К.Г. Михайлова, который много лет поддерживает и реализует мои издательские проекты. Российская наука еще отдаст дань К.Г. Михайлову, своей издательской деятельностью возрождающему традиции российских просветителей и меценатов.

С благодарностью ко всем, кто удостоит эту книгу вниманием,

В.В. Малахов,

заведующий кафедрой зоологии беспозвоночных Московского государственного университета, член-корреспондент Российской академии наук.

«Изучи во всех подробностях животных своей родины»

Преподавание биологических знаний в Московском университете началось еще в XVIII веке, хотя самого слова «биология» тогда еще не было ни в русском, ни в каком другом языке. Как известно, термин «биология» появился только в 1802 г. Его придумали (причем, кажется, независимо друг от друга) французский естествоиспытатель Ж-Б. Ламарк и немецкий ученый Г. Тревиранус. В XVIII веке вместо термина «биология» обычно использовали словосочетание «естественная (или натуральная) история». Первые профессора Московского университета получили свое образование за рубежом у известных европейских натуралистов. Так, первый профессор естественной истории в Московском университете Матвей Иванович Афонин был учеником знаменитого шведского натуралиста Карла Линнея. М.И. Афонин написал несколько научных трудов на латинском и русском языке, например, «De usu Historia Naturalis in vita communis (О пользе естественной истории в обычной жизни)» и «Слово о пользе, знании, собирании и расположении чернозема особенно в хлебопашестве». Другой профессор Антон Антонович Антонский издавал журнал с длинным названием «Магазин натуральной истории, физики, химии, или новое собрание материй, принадлежащих к сим трем наукам, заключающее в себе важные и любопытные предметы оных, равно как и употребление немногих из них во врачебной практике, экономии, земледелии и художествах». Правда, профессора в то время практически не вели собственных исследований, поэтому статьи в этом и других изданиях представляли собой, по преимуществу, компиляции и переводы с иностранных языков.

Жизнь и нравы в Московском университете того времени мало напоминали современные. Получившие свое образование в просвещенной Европе профессора, оказавшись на родине, с трудом приспосабливались к суровым и диким российским порядкам и нередко находили утешение в крепких напитках, которыми издавна славилось наше отечество. «Учились мы весьма беспорядочно: с одной стороны причиной тому была ребяческая леность, а с другой, – нерадение и пьянство наших учителей. Учитель латинского языка был пример злонравия, пьянства и подлых пороков, но голову имел преострую…» – так вспоминал о годах обучения воспитанник Московского университета знаменитый писатель Д.И. Фонвизин.

В 1804 г. был принят новый устав Московского университета, образцом которого были уставы известных немецких университетов. По этому уставу вся жизнь университета строилась на коллегиальных началах, а сам университет обретал значительную независимость. Совет университета имел право избирать не только профессоров и деканов, но и самого ректора. Профессорам университета вменялось в обязанность устраивать ежемесячные собрания, на которых они должны были вести «рассуждения о сочинениях, новых открытиях, опытах и наблюдениях исследований». Профессора Московского университета стали вести самостоятельную научную работу в области естествознания и привлекать к ней некоторых студентов. В уставе 1804 г. было, в частности, записано, что при Отделении физических и математических наук учреждается Демидовская кафедра натуральной истории вместе с Кабинетом натуральной истории. Кафедра была названа в честь выдающегося русского мецената П.Г. Демидова, который принадлежал к прославленной династии уральских горнозаводчиков. Демидовские заводы сыграли выдающуюся роль в техническом подъеме страны в годы правления Петра I и последующие десятилетия XVIII века. В свое время представители этой династии построили десятки металлургических заводов, которые давали около половины всего железа России (напомним, что во второй половине XVIII века Россия вышла на первое место в мире по производству железа, и русское железо вывозилось

даже в Англию), стали богатейшими людьми страны, и перейдя разряд придворной знати, сыграли заметную роль в политике и дипломатии. П.Г. Демидов объехал всю Европу, был выдающимся знатоком искусства и науки. Он переписывался с К. Линнеем, собрал огромную коллекцию «натуралий» и библиотеку, которые были переданы в дар Московскому университету. В 1802 г. П.Г. Демидов передал в «сохранную казну» Московского университета 100 тыс. рублей. На проценты от этой суммы должен был содержаться кабинет натуральной истории, в котором хранились демидовские коллекции. Первым заведующим кафедрой и кабинетом стал приглашенный на работу в Россию выпускник Геттингенского университета Г.И. Фишер фон Вальдгейм.

Демидовская кафедра и кабинет натуральной истории стали колыбелью многих естественных наук в Московском университете. Зоология беспозвоночных тоже выросла из этого кабинета.

Первый курс зоологии беспозвоночных в Московском университете начал читать выдающийся российский зоолог Карл Францевич Рулье. Это был широко эрудированный натуралист, оригинальный мыслитель, который одинаково хорошо знал и биологию, и геологию, и астрономию. Целостное мировоззрение, свойственное К.Ф. Рулье, позволяет рассматривать его как одного из первых представителей так называемого «русского космизма» – направления естественнонаучной и философской мысли, расцветшего в России в начале следующего века.

К.Ф. Рулье родился в 1814 г. в г. Нижнем Новгороде. Его отец Франц Рулье (по происхождению француз) был сапожных дел мастер, а мать – повивальная бабка. Звание повивальной бабки в Российской империи начала XIX века давалось только тому, кто выдержал серьезный экзамен в Московской медико-хирургической академии. Мать К.Ф. Рулье – Анна Яковлевна – этот экзамен выдержала, стала известной акушеркой и впоследствии продолжала принимать пациентов, даже когда ее сын стал профессором.

Карл Францевич Рулье (1814–1858)

В 1829 г. К.Ф. Рулье поступил в ту же самую Московскую медико-хирургическую академию, в которой его мать 14-ю годами ранее получила звание повивальной бабки. Московская медико-хирургическая академия была тесно связана с Московским университетом, хотя в академии учились люди попроще, и многие – «на казенном коште». Профессора Московского университета преподавали и в медико-хирургической академии, в том числе, например, «русский Кювье» – знаменитый натуралист и палеонтолог Г.И. Фишер фон Вальдгейм, минералог А.Л. Ловецкий, медик и биолог И.Е. Дядьковский и др. Студенты медико-хирургической академии пробирались на лекции популярнейших профессоров Московского университета, среди которых блистали ботаник М.А. Максимович и зоолог И.А. Двигубский – выдающиеся натуралисты, знатоки флоры и фауны России. «Primo nosce patriam, postea viator eris (Сначала познай родину, а потом становись путешественником)», – эту строку из сочинений римского поэта Овидия часто приводил своим слушателям профессор И.А. Двигубский и ею же он закончил свой замечательный труд «Описание и изображения животных Российской империи». К.Ф. Рулье всю свою жизнь считал себя учеником И.А. Двигубского, а своей манерой чтения лекций, по мнению некоторых студентов, сильно напоминал М.А. Максимовича. В общем, один из ближайших учеников К.Ф. Рулье, его преемник по кафедре зоологии Московского университета профессор А.П. Богданов имел все основания сказать: «Рулье был воспитанником Московского университета, вырос под его преданиями».

Медико-хирургическая академия готовила военных врачей и, окончив ее в 1834 г., К.Ф. Рулье стал младшим лекарем Рижского драгунского полка. Через 2 года ему удалось устро-

иться к уже упоминавшемуся Г.И. Фишеру фон Вальдгейму на должность «репетитора по кафедре зоологии и минералогии». В 1837 г. К.Ф. Рулье защитил диссертацию по проблемам кровотечения и стал доктором медицины. 28 февраля 1840 г. К.Ф. Рулье был назначен заведующим освободившимися по смерти профессора А.Л. Ловецкого кафедрой и кабинетом естественной истории Московского университета.

К.Ф. Рулье хорошо знал геологию и минералогию (его вклад в четвертичную геологию и в разработку стратиграфического деления юрского периода не потерял своего значения до сих пор), много занимался палеонтологией. Накопление знаний по сравнительной анатомии и эмбриологии животных, а также бурное развитие палеонтологии сделало идею эволюции в первой половине XIX века буквально носящейся в воздухе. К.Ф. Рулье беззаветно верил в эволюцию органического мира. То, что он не знал реальных механизмов эволюции (К.Ф. Рулье не дожил всего одного года до появления книги Ч. Дарвина «Происхождение видов…»), только прибавляло ему веры. Он был эволюционист до мозга костей и страстно хотел убедить других в справедливости эволюционной идеи.

Глубокая эрудиция в сочетании с большой эмоциональностью делали К.Ф. Рулье блестящим лектором. На его лекции собиралась вся Москва, университетская аудитория не могла вместить всех желающих послушать образные рассказы о развитии органического мира. На лекциях он излагал теорию Канта и Лапласа о происхождении солнечной системы, рассказывал о развитии растений и животных из «первоначальной клеточки», о последовательном появлении различных групп организмов в истории Земли, и делал это так образно, как будто сам при этом присутствовал.

Разумеется, говорить о происхождении животных и растений путем естественной эволюции в середине XIX века в России было небезопасно. Министр просвещения Российской империи граф Ширинский-Шихматов, озабоченный несоответствием лекций каноническому тексту священного писания, направил секретное представление попечителю Московского учебного округа генералу Назимову и председателю секретного цензурного комитета генералу Анненкову, в котором потребовал учредить строгий надзор за лекциями и статьями К.Ф. Рулье. Против лекций К.Ф. Рулье выступил крупный религиозный и государственный деятель той эпохи митрополит Филарет. В своем письме к священному Синоду митрополит писал, что Рулье «смущает умы и поучает даже мещан и простых крестьян находить в книге Бытия мифологию». Удалось ли К.Ф. Рулье смутить умы крестьян и мещан, не известно, но дворянские умы были смущены в полной мере. Так, например, происходившие из почтенной графской семьи братья Кропоткины (Александр и Петр) были глубоко религиозными юношами, но, прослушав курс лекций К.Ф. Рулье, стали ярыми материалистами. Впоследствии один из братьев – Петр Алексеевич Кропоткин стал выдающимся геологом, географом и историком, и одновременно яростным революционером – всемирно известным теоретиком и практиком анархизма. В общем, недаром император Николай Павлович называл Московский университет «волчьим гнездом» и, бывая в Москве, не желал даже проезжать мимо зданий университета.

К.Ф. Рулье попал под надзор полиции, на распространение его книг был наложен запрет. Особенно осложнилось положение после того, как газета «Московские ведомости» опубликовала отрывок из подготовленной К.Ф. Рулье книги «Жизнь животных по отношению к внешним условиям». Отрывок, появившийся на страницах газеты 8 января 1852 г., назывался «О первом появлении растений и животных на Земле» и вызвал, по словам современников, «целую административную бурю» и тяжелые последствия для К.Ф. Рулье. Отныне К.Ф. Рулье было категорически запрещено выступать с публичными лекциями. Обстановку, сложившуюся вокруг К.Ф. Рулье, сравнивали с тем, что было после публикации знаменитых философских писем П.Я. Чаадаева, которого, как известно, объявили сумасшедшим и взяли под домашний арест. Попечитель Московского учебного округа граф С.Г.

Строганов искал, что предпринять «для уменьшения удара». Пытаясь смягчить положение, К.Ф. Рулье вынужден был написать «Послесловие» к опубликованному курсу своих лекций, в котором писал, что «научная гипотеза заслуживает уважения только в той степени, в которой представляется согласованной с непреложным свидетельством слова Божия». Что поделаешь, но характерное для нашего времени понимание того, что наука и религия представляют собой две не противоречащие друг другу стороны духовной жизни общества, еще не было распространено в ту эпоху.

Несмотря на формальную прогрессивность университетского устава, порядки в Московском университете в годы царствования Николая I вовсе не были либеральными. Студенты университета находились, по существу, на казарменном положении. Они обязаны были ходить в мундире, придерживаться строгих правил поведения, носить установленную прическу, а за нарушения могли быть посажены в карцер. Граф В.Н. Панин, попечитель университета, кричал, обращаясь к студентам: «Если вы у меня в другой раз осмелитесь только подумать отпускать себе бороду, усы и длинные волосы на голове, то я прикажу вас стричь и брить на барабане, в карцер сажать, а затем в солдаты отдавать!» Эти слова не были пустой угрозой. Студенты тех лет вспоминают такую картинку: два студента сидят на табуретках, а два солдата университетской роты (была и такая!) насильно стригут их под крики попечителя: «Вот так! Стриги их еще короче, под гребешок, слышишь! А ты, чище брей, не жалей мыла!» (из воспоминаний студента Вистенгофа).

В этих условиях свободомыслящий, остроумный и демократичный профессор, каким был К.Ф. Рулье, стал кумиром учащихся. Студенты боготворили молодого профессора (ведь в расцвете карьеры К.Ф. Рулье немногим более 30 лет), у него всегда было много учеников. Выдающиеся деятели российской науки профессора А.П. Богданов, Я.А. Борзенков, Н.П. Вагнер, Н.А. Северцов, С.А. Усов были непосредственными учениками К.Ф. Рулье.

К.Ф. Рулье не был оторванным от жизни теоретиком. Как ученый и как преподаватель он был далек от понимания зоологии как чисто описательной дисциплины. В своих лекциях К.Ф. Рулье не только давал студентам знания о различных группах животных, но и пропагандировал изучение фауны России. Он любил Россию искренней, может быть, несколько экзальтированной любовью россиянина в первом поколении (ведь его отец был француз): «Широко легла наша Россия, богатырем пораскинулась… меж шести морей, разнообразны нужды твои, да и разнообразны и источники естественных довольств». Подобно своему учителю И.А. Двигубскому он призывал: «Не гонись за диковинками тропических стран: изучи во всех подробностях животных своей родины», а от своих учеников требовал «исследовать три вершка ближайшего к исследователю болота, относительно растений и животных и исследовать их в постепенном взаимном развитии… посреди определенных условий».

К.Ф. Рулье уделял большое внимание взаимосвязи строения и образа жизни организмов с окружающей их средой. «Животное существует под непрерывным участием внешних условий и изменяется с изменением последних». Он пропагандировал идеи акклиматизации новых видов животных с целью использования их в хозяйстве. По инициативе К.Ф. Рулье был основан Комитет по акклиматизации, первое заседание которого состоялось 30 января 1857 г. Председателем комитета был выбран К.Ф. Рулье. Идея акклиматизации животных пустила глубокие корни и на целое столетие стала одним из направлений деятельности зоологов Московского университета.

К.Ф. Рулье был настоящим просветителем и выдающимся популяризатором науки. В его наследии, пожалуй, больше таких статей, которые мы скорее назвали бы научно-популярными, чем чисто научными. К.Ф. Рулье писал обо всем – о пчелах, о рыбах, о вредителях сельского хозяйства, о зверях и птицах Подмосковья, об экзотических животных жарких стран, о метеорологии и астрономии, о расположении пятен в окраске лошадей и коров, о полезных видах растений, о необычных окаменелостях и минералах и т. д. Много сил

отдавал он редактированию созданного им журнала «Вестник естественных наук». Ученик К.Ф. Рулье профессор А.П. Богданов писал в 1885 г.: «Вестник естественных наук» не был простым сборником общедоступных естественно-исторических статей, а последовательным выяснением определенного цельного взгляда на природу Поэтому «Вестник естественных наук» и до сих пор остается незаменимым чтением для всякого, желающего получить осмысленный взгляд на природу».

В обыденной жизни знаменитый профессор К.Ф. Рулье был очень прост и демократичен. Невысокий, полный, он любил вечером посидеть и покурить на лавочке возле дома (он жил на Тверской-Ямской возле постоялых дворов). Прямо возле его дома устроился продавать калачи и сбитень уличный торговец. К.Ф. Рулье с ним подружился. Заметив, что приятели зовут торговца пить чай в трактир, он говорил: «Идите, почтенный, пить ваш чай, а я за вас тут посижу, и буду продавать калачи и сбитень». «Как же ты сбитень и калачи оставил?» – спрашивали приятели торговца. «У меня там профессор, дай бог ему здоровья, тут живет, он за меня и торгует», – пре серьезно отвечал калашник. Приветливый и добродушный в обыденной жизни К.Ф. Рулье был искрометен в полемике, тут блистал его изысканный французский юмор.

Жизнь К.Ф. Рулье очень рано оборвалась. Он скончался в возрасте 44 лет и похоронен на Введенском кладбище в Москве. Могила К.Ф. Рулье сохранилась, на ней выбиты его слова: «В природе – всеобщее непрерывное движение, и безусловная смерть невозможна».

Великий бессребреник

Анатолий Петрович Богданов был ближайшим учеником К.Ф. Рулье. Еще в 1856 г. он по поручению своего учителя сделал доклад «Об акклиматизации животных и растений» на заседании Общества сельского хозяйства. Тогда А.П. Богданову было 22 года. А еще через два года А.П. Богданов стал заведующим кафедрой естественной истории Московского университета. В 1862 г. А.П. Богданов выделил самостоятельную кафедру зоологии и организовал при ней зоологический музей (в него поступили коллекции кабинета естественной истории), став одновременно и заведующим кафедрой и директором музея. В течение многих десятилетий кафедра зоологии и Зоологический музей были связаны неразделимыми узами.

Вторая половина XIX века – время быстрых преобразований общественной жизни России. С приходом к власти Александра II с громадным запозданием начали проводиться в жизнь реформы, призванные уменьшить колоссальное отставание России от стран Европы. Только в 1861 г. в России была проведена крестьянская реформа и отменено крепостное право (для сравнения – в Лондоне в том же году было открыто метро). Отмена крепостного права стимулировала развитие промышленности, что, в свою очередь, повысило значение образования и науки. Правительством Александра II были произведены многочисленные реформы во всех сферах жизни общества (судебная и военная реформы, реформы образования и печати и др.). Открывались новые университеты, а общее число студентов возросло более чем в три раза. В эти годы совершили свои открытия выдающиеся деятели российской науки: математики П.Л. Чебышев и П.Л. Ляпунов, физик А.Г. Столетов, химики Д.И. Менделеев и А.М. Бутлеров, почвовед В.В. Докучаев, биологи И.М. Сеченов, А.О. Ковалевский, И.И. Мечников, пытались внедрить смелые технические идеи П.Н. Яблочков, А.Н. Лодыгин, А.С. Попов, А.Ф. Можайский и др.

Россия пыталась догнать передовые страны Европы. Однако отставание в экономике, социальной жизни и политике было слишком очевидным. Молодое поколение чувствовало это особенно остро, и со свойственным молодости нетерпением хотело исправить все быстро и сразу. В среде студенчества широчайшее распространение получили идеи переустройства общества радикальным путем. Сформировалась идеология народничества, появилось множество революционных кружков, дело дошло до создания откровенно террористических молодежных организаций. Обстановка в студенческой среде была такова, что остаться в стороне от антиправительственных акций было практически невозможно. Конечно, молодые люди реагировали на это по-разному. Так, А.О. Ковалевский, из-за постоянных студенческих забастовок, нарушавших нормальный учебный процесс, вынужден был уехать продолжать образование в Германии. А его родной брат В.О. Ковалевский со своей супругой – известной писательницей-нигилисткой и математиком С.В. Ковалевской (Корвин-Круковской), оказавшись в Париже, принял участие в событиях Парижской коммуны (был даже разработан план побега из тюрьмы одного из руководителей Коммуны Виктора Жаклара с паспортом В.О. Ковалевского). Молодые радикалы организовали семь покушений на Александра II, и прозвучавший в 1866 г. выстрел студента Д. Каракозова чуть не оборвал жизнь царя-реформатора. А.И. Ульянов – старший брат вождя русской коммунистической революции В.И. Ленина, обучавшийся в Санкт-Петербургском университете (кстати, он специализировался по зоологии беспозвоночных и даже получил золотую медаль за исследование выделительных органов олигохет и пиявок), вступил в террористическую фракцию партии «Народная воля». За подготовку покушения на императора Александра III А.И. Ульянов и четверо его товарищей были повешены в 1887 г.

Более зрелая часть интеллигенции понимала необходимость длительной просветительской работы, сотрудничала в земских учреждениях, преподавала на бесплатных курсах.

К периоду второй половины XIX – началу XX веков относится расцвет благотворительной деятельности крупных российских меценатов. Профессора Московского университета считали себя обязанными заниматься просветительской работой, и многие из них стали видными общественными деятелями.

Член-корреспондент Императорской Российской академии наук Анатолий Петрович Богданов (1834–1896)

Одним из наиболее заметных фигур в мире российской науки и образования той поры был член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии профессор А.П. Богданов. У нас нет достоверных сведений о родителях А.П. Богданова. Известно только, что он вырос в Воронежской губернии в семье богатой помещицы княгини Г.Н. Кейкуатовой, которая воспитала его, дала ему образование и всю жизнь поддерживала материально (существует версия, что княгиня Г.Н. Кейкуатова, которую А.П. Богданов называл «бабушкой», на самом деле была его матерью).

А.П. Богданов был незаурядным человеком во всех отношениях. В нем счастливо сочетались таланты исследователя, общественного деятеля и выдающегося педагога. Круг его научных интересов был необычайно широк. Он занимался систематикой и географией животных, медицинской паразитологией, антропологией, вопросами акклиматизации. Большое внимание он уделял пропаганде естественнонаучных знаний. Наряду с напряженной научной и педагогической работой А.П. Богданов много и плодотворно занимался общественной деятельностью. В 1863 г. он основал знаменитое Императорское общество люби-

телей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, которое было нацелено на самое широкое научное освоение ресурсов России и популяризацию научных знаний среди населения. Им были организованы постоянно действующие этнографическая (1867), политехническая (1872) и антропологическая (1879) выставки. На базе этих выставок были созданы существующие до сих пор Политехнический музей, а также Антропологический музей Московского университета.

По инициативе А.П. Богданова был создан Московский зоопарк, «живой музей под открытым небом», как он сам его называл. Московский зоопарк – первый зоопарк России – открылся для посетителей в 1864 г. С тех пор через ворота Московского зоопарка (а вход в него и сейчас располагается на том самом месте, где он был и в 1864 г.) прошли уже десятки миллионов посетителей. Менялся социальный строй, идеология, расширялись и сокращались границы страны, да и сама страна меняла свое название, а Московский зоопарк остается любимым местом познавательного отдыха для миллионов взрослых и детей и лучшим памятником его основателю – профессору А.П. Богданову.

А.П. Богданов много занимался антропологией. Вот названия некоторых его антропологических работ: «Меряне в антропологическом отношении» (1879), «О могилах Скифо-сарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов» (1880), «Черепа и кости людей каменного века» (1881). Вместе с К. Бэром А.П. Богданов считается одним из основателей российской антропологии.

Особой заботой А.П. Богданова было развитие российских биологических станций. В речи на Международном зоологическом конгрессе в 1892 г. А.П. Богданов произнес такие слова: «Между научными проблемами, весьма серьезными и важными, разрешение которых обеспечило бы нормальное развитие зоологии и дальнейшие успехи русских зоологов, первое место занимает вопрос о морских и речных станциях, их умножении и развитии». По инициативе А.П. Богданова один из его ближайших учеников Н.Ю. Зограф организовал в 1891 г. небольшую гидробиологическую станцию на Глубоком озере на западе Подмосковья. Впоследствии на ней работали многие выдающиеся зоологи и гидробиологи. Биостанция на Глубоком озере существует до сих пор – это одна из старейших биологических станций России. В настоящее время она принадлежит Институту проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова Российской академии наук, но почти весь штат лаборатории, которая работает на станции, состоит из выпускников кафедры зоологии беспозвоночных.

Понимая важность развития морских исследований для российской науки, А.П. Богданов вместе с А.О. Ковалевским приложили много усилий для создания Севастопольской биологической станции. Эти два выдающихся зоолога тепло относились друг к другу. Известно, например, что А.П. Богданов приложил много усилий для перехода на работу в Московский университет брата А.О. Ковалевского – выдающегося палеонтолога и эволюциониста В.О. Ковалевского, жизнь которого, к сожалению, вскоре трагически оборвалась. А.П. Богданов и А.О. Ковалевский активно сотрудничали в сложных проблемах, возникавших в связи с созданием Севастопольской биологической станции (ныне – Институт биологии южных морей Национальной академии наук Украины).

Одному из них тяжелые нервные нагрузки, неизбежные при переговорах с чиновниками по поводу биостанции, стоили жизни. Как известно, выдающийся российский биолог А.О. Ковалевский умер в расцвете сил на 61-м году жизни от удара, полученного в приемной заместителя министра просвещения, куда он пришел для решения очередного насущного вопроса жизни Севастопольской биологической станции.

Организация зоологических и антропологических конгрессов, издание их трудов, организация выставок и другая общественная деятельность проводилась А.П. Богдановым в значительной степени на его личные средства. Он израсходовал на это многие тысячи, полу-

ченные им в наследство от княгини Г.Н. Кейкуатовой, тратил все свое отнюдь не большое профессорское жалованье, постоянно был в долгах перед издателями и книгопродавцами.

А.П. Богданов был выдающимся педагогом. Он воспитал шеренгу российских биологов, на десятилетия определивших направления развития зоологической науки и образования в нашей стране. Среди непосредственных учеников А.П. Богданова шестеро стали действительными членами Российской Академии наук (Д.Н. Анучин, Л.С. Берг, С.А. Зернов, Н.М. Кулагин, Н.В. Насонов и В.М. Шимкевич). Ученики А.П. Богданова – известнейшие профессора, впоследствии занимавшие университетские кафедры Москвы, Санкт-Петербурга, Киева, Варшавы и других городов (Н.Ю. Зограф, Г.А. Кожевников, А.А. Коротнев, С.С. Четвериков и др.).

А.П. Богданов скончался в 1896 г. Незадолго до смерти он составил духовное завещание – документ пронзительной силы, в котором предстает образ бессребреника и истинного подвижника, патриота российской науки и образования. «Просил бы те учреждения, которым я служил всею душою и всем сердцем во всю жизнь, дать семье моей средства лечь мне в могилу в Новодевичьем монастыре…, а затем оказать возможное содействие облегчению будущности и покоя жене моей Елене Васильевне и дочери Ольге. По истине говорю, что много тысяч из полученных мною в наследство, было употреблено мною на те учреждения, в основании которых я принимал участие, а потому умирая лично почти нищим, не краснея могу просить о могиле и нравственной помощи семье». Могила А.П. Богданова находится там, где он завещал, – на территории Новодевичьего монастыря рядом с могилами других профессоров Московского университета – математика Н.В. Бугаева, писателя и почетного академика М.П. Загоскина, философа Л.М. Лопатина, историка М.П. Погодина и др.

Кто изгонял Бога из науки?

Преемником А.П. Богданова на посту директора Зоологического музея стал профессор Александр Андреевич Тихомиров. Он начал свое университетское образование как юрист сначала в Дерптском, а потом в Санкт-Петербургском университете, получил степень кандидата права. Однако тяга к естественным наукам переселила юриспруденцию. А.А. Тихомиров переехал в Москву и поступил на физико-математическое отделение Московского университета. Еще в студенческие годы А.А. Тихомиров начал активную исследовательскую работу в лаборатории А.П. Богданова, ездил с ним на Средиземное море. Впоследствии А.А. Тихомиров стал известен как автор превосходных исследований по развитию гидроидных полипов, ракообразных и насекомых. Изучая развитие тутового шелкопряда, А.А. Тихомиров в 1886 г. обнаружил, что действие кислот, высокой температуры и электрических разрядов может побудить к развитию неоплодотворенные яйца. Исследования А.А. Тихомирова по искусственному партеногенезу тутового шелкопряда стали предтечей блестящих работ академика Б.Л. Астаурова и его сотрудников, имевших огромное значение для генетики и практического шелководства.

Сначала А.А. Тихомиров был сторонником учения Ч. Дарвина, но затем перешел на позиции ярого антидарвинизма. Во второй половине XIX века дарвинизм, стал необычайно популярным не только у биологов, но и во всех образованных слоях российского общества. В то время о дарвинизме рассуждали все: гимназисты, студенты, курсистки, чиновники, вся российская интеллигенция. Разумеется, сочинения самого Ч. Дарвина читали далеко не все. Российская общественность знакомилась с этим учением в упрощенных и просто неверных переложениях, в которых отдельные стороны дарвинизма выпячивались и применялись к человеческому обществу. Публике был широко известен очерк Д.И. Писарева «Прогресс в мире животных и растений», в котором положение дарвинизма о борьбе за существование переносилось на жизнь человеческого общества. В знаменитом сочинении Э. Геккеля «Естественная история миротворения», переводами которой зачитывались гимназисты, автор оправдывает смертную казнь, рассматривая ее как проявление борьбы за существование. Газетные дискуссии вокруг статей Д.И. Писарева, книг Э. Геккеля и других популяризаторов дарвинизма создали у многих российских читателей превратное представление об учении Дарвина. Раскольников в знаменитом романе Ф.М. Достоевского берется за топор, наслушавшись разговоров о том, что с точки зрения борьбы за существование оправдано убийство стариков, если их средства способствуют выживанию молодых и здоровых. Дарвинистами называют себя малограмотные помещики в рассказах А.П. Чехова, обосновывая разделение людей на «белую кость и чумазых». «Разум открыл борьбу за существование и закон, требующий того, чтобы душить всех» – рассуждает Левин в романе Л.Н. Толстого. Так называемый «социал-дарвинизм» толкнул на путь жестокого террора немало способных молодых людей. Вот почему, многие деятели культуры были настроены против дарвинизма.

Профессор Александр Андреевич Тихомиров (1850–1931)

Критика дарвинизма снискала А. А. Тихомирову большую популярность среди духовенства, представители которого приходили на его лекции и занимали первые ряды в аудитории. Свои лекции он начинал не с обычного «Милостивые государи и милостивые государыни», а с обращения «Ваши преосвященства, милостивые государи и милостивые государыни». А.А. Тихомиров публично боролся с атеизмом, широко распространенным в университетской среде. Он возмущенно выступал против К.А. Тимирязева, про которого говорил, что он «за казенный счет изгоняет Бога из науки». Особенно А.А. Тихомиров ненавидел либералов. Весьма умеренного либерала и крупного зоолога М.А. Мензбира он пренебрежительно называл «этот жидишка Мензбир».

Студенты и научная молодежь Московского университета отнюдь не разделяли антидарвинистских взглядов А.А. Тихомирова. В воспоминаниях студента нашей кафедры тех времен Б.Н. Бугаева (он был сыном декана физико-математического факультета выдающегося математика Н.В. Бугаева) – последствии одного из классиков русской литературы, писателя-символиста, известного под псевдонимом «Андрей Белый» – А.А. Тихомиров предстает в карикатурном облике вертлявого и развязного старикашки «с привздернутым личиком старой макаки». Студенты называли его «макака» или «маркиз». А.А. Тихомиров резко выступал против происхождения человека от обезьяньих предков, но, как пишет Андрей Белый, «вид этого ломающегося профессора (может, – от нервности) укреплял мысль о происхождении от макаки этих гримас, – обезьяньих и вырожденческих». Стиль лекций А.А. Тихомирова (по воспоминаниям Андрея Белого) – «аллегорическое барокко, гофрированные выкрутасы подробностей, философических отступлений, порой интересных; а в целом топилась главная мысль…».

Профессор Николай Юрьевич Зограф (1854–1919)

Пример А.А. Тихомирова в какой-то мере типичен для университетской жизни. Студенческая молодежь воспринимает университетского профессора прежде всего через его лекции и через его общественную позицию. Плохой лектор, консерватор и реакционер никогда не приобретет популярности у молодежи, будь он даже даровитым ученым (а А.А. Тихомиров несомненно был таковым).

Как это ни покажется странным сейчас, антидарвинистские убеждения и черносотенные взгляды весьма способствовали карьере А.А. Тихомирова. Он стал ректором Московского университета, а в 1904 г. был назначен на высокий пост попечителя Московского учебного округа. В его формальном подчинении оказались все учебные заведения Москвы, в том числе и Московский университет. Он передал заведование кафедрой и Зоологическим музеем Московского университета Г.А. Кожевникову с условием, что он сохранит сотрудников А.А. Тихомирова (в первую очередь речь шла о Б.М. Житкове). Добросердечный Г.А. Кожевников не только сохранил сотрудников А.А. Тихомирова, но заботился и о нем самом. Дело в том, что после 1917 г. престарелый А.А. Тихомиров как бывший царский сановник лишился работы, пенсии и всяких средств к существованию. Как многие другие бывшие крупные чиновники старого режима, он вынужден был уехать из Москвы и поселился в Сергиевом Посаде, жил в нищете. Г. А. Кожевников трогательно заботился о нем, постоянно навещал его и помогал деньгами.

Современником А.А. Тихомирова был другой ученик А.П. Богданова – Николай Юрьевич Зограф, сначала ассистент кафедры, потом хранитель Зоологического музея и, наконец, профессор. Он занимался изучением жизненного цикла паразитических круглых червей (в частности, исследовал жизненный цикл ришты *Dracunculus medinensis),* но особенно известен подробными и точными исследованиями эмбрионального развития многоножек. В

Московском университете Н.Ю. Зограф вел практические занятия по зоологии беспозвоночных, много возился со студентами, обучая их тонкостям зоологических наблюдений, фиксаций, окрасок (он был превосходным гистологом), а в перерывах для студентов – «чаек с колбасой, с белым хлебом» (по воспоминаниям Андрея Белого). Перу Н.Ю. Зографа принадлежит весьма объемный (1316 страниц!) «Курс зоологии для студентов-естественников, медиков и сельских хозяев», опубликованный в 1900 г. «Некрупного роста, но плотный с заостренной бородкою цвета воронового крыла, и такого же цвета глазами…. он – вылитый грек, Зографаки: не Зограф; но основное его выражения – хитрая ласковость» – таков портрет Н. Ю. Зографа в воспоминаниях Андрея Белого. На лекциях Н.Ю. Зограф «показывает моллюска: Представьте, что полы моего сюртука срослись с телом; вот мантия вам» (Андрей Белый). Учениками Н.Ю. Зографа были Н.В. Богоявленский, впоследствии многие годы руководивший кафедрой гистологии Московского университета, и А.Д. Некрасов – цитолог и эмбриолог, известный также своими работами по истории биологии (в частности, исследованиями научного творчества А.О. Ковалевского и И.И. Мечникова).

«Не читайте советских газет!»

Профессор Григорий Александрович Кожевников происходил из купеческой семьи. Он был учеником А.П. Богданова, который оставил его при Московском университете, как тогда говорили, «для приготовления к профессорскому званию». Сначала Г.А. Кожевников занимался исследованием морской фауны. С 1888 г. и до конца жизни Г.А. Кожевников изучал биологию домашней пчелы и других общественных насекомых. «Естественная история пчелы» – так называлась его докторская диссертация, защищенная в 1905 г. Г.А. Кожевников обнаружил, что на ранних этапах развития у личинки рабочей пчелы закладывается столько же яйцевых трубочек, как у будущей матки. Впоследствии, из-за различий в питании, яйцевые трубочки личинки рабочей пчелы постепенно редуцируются, а у матки подвергаются усиленному развитию. Исследуя полиморфизм у общественных насекомых, Г.А. Кожевников в 1921 г. открыл переходные формы между рабочей пчелой и маткой. От своего учителя – А.П. Богданова – профессор Г.А. Кожевников унаследовал интерес к проблемам акклиматизации животных. В Обществе акклиматизации животных и растений он был председателем секции пчеловодства. Это Г.А. Кожевников первым обнаружил на территории России (на Дальнем Востоке) дикую индийскую пчелу и указал на возможность ее акклиматизации в европейской части страны.

С пчелами работал еще К.Ф. Рулье и интерес к теоретическим и практическим задачам пчеловодства долго сохранялся на кафедре. Различными аспектами биологии пчелы занимались ученики Г.А. Кожевникова – В.В. Алпатов и Ф.А. Лаврехин. До сих пор в коллекции кафедры хранятся препараты ротовых частей пчелы, изготовленные Г.А. Кожевниковым, а до недавнего времени – сделанный с большим мастерством гигантский деревянный макет медоносной пчелы. В 2003 г. Московский университет с визитом посетил мэр г. Москвы Ю.М. Лужков – известный пчеловод-любите ль. Заново отполированная и закутанная в фату, как невеста, «пчела Кожевникова» была торжественно преподнесена Ю.М. Лужкову ректором Московского университета академиком В. А. Садовничим на очередном праздновании «Татьянина дня». Это было одним из жестов благодарности Ю.М. Лужкову за помощь в постройке нового здания фундаментальной библиотеки МГУ. Интересно только, к чему приспособил эту деревянную пчелу Ю.М. Лужков?

Проф. Г.А. Кожевников был инициатором исследований биологии малярийных комаров и их роли в эпидемиологии малярии на территории Российской империи. Г.А. Кожевников первым в России начал исследование пещерной фауны. Г.А. Кожевников интересовался зоопсихологией, поведением животных и дружил с семьей знаменитых цирковых дрессировщиков Дуровых.

Г.А. Кожевников был горячим пропагандистом идеи К.Ф. Рулье о необходимости изучения фауны свой страны, одним из первых высказался за создание заповедников. В его кабинете на видном месте висело то самое латинское изречение «Primo nosce patriam, postea viator eris», которое так любил учитель К.Ф. Рулье – профессор И.А. Двигубский.

Профессор Григорий Александрович Кожевников (1866–1933)

В 1908 г. Г.А. Кожевников основал Косинскую биологическую станцию на подмосковных озерах. Ныне эти озера находятся внутри московского района Ново-Косино, они окружены высотными домами, а тогда озера были окружены лесами, туда ездили на охоту и для сбора клюквы на окрестных болотах. На этой биостанции кафедра в течение многих лет проводила научные исследования и практические занятия студентов. В 1921 г. Косинская станция была передана в ведение Гидрометслужбы, но директором ее был известный гидробиолог Л.Л. Россолимо, и на станции велись большие и разносторонние исследования пресноводной флоры и фауны. Здесь работали классики отечественной гидробиологии: Г.С. Карзинкин, С.И. Кузнецов, Г.Г. Винберг, В.С. Ивлев, Е.В. Боруцкий и др. Именно на Косинской биологической станции Г.Г. Винберг в 1932–1933 гг. провел свои классические опыты по определению первичной продукции методом темных и светлых склянок. Это было сделано впервые в мире, на три года раньше, чем этот же метод применили Г. Райли и Дж. Хатчинсон, так что Г.Г. Винбергу и маленькой станции в Косино принадлежит первенство в решении одной из самых главных проблем гидробиологии – проблемы определения первичной продукции в водоемах (обо всем этом я узнал из любезно предоставленной мне рукописи

статьи А.М. Гилярова, посвященной Г.Г. Винбергу). К сожалению, в 1941 г. биологическая станция в Косино была закрыта.

Г.А. Кожевников был мягким и покладистым человеком. Внешне это был довольно нескладный, грузный человек с порядочным брюшком. Он сильно картавил, выглядел чудаковатым увальнем, но при этом славился как бонвиван и дамский угодник. Его казенная квартира находилась в здании Зоологического музея (одновременно он был директором Зоологического музея). Наверное, современные профессора Московского университета, которые давно уже лишены возможности жить в зданиях университета, позавидовали бы Г. А. Кожевникову. Однако не стоит забывать, что такое местоположение профессорской квартиры делало жизнь Г.А. Кожевникова открытой для студентов и сотрудников.

Утро в Зоологическом музее начиналось с разносившихся по всему зданию громких криков, которыми Г.А. Кожевников призывал своего верного служителя: «Фрол! Фрол!» (Г.А. Кожевников сильно картавил, и у него получалось «Фро'у!»). Крики эти были хорошо слышны на улице и вошли в обычай обитателей Большой Никитской (а потом, в советское время, – улицы Герцена). Другой профессор Зоологического музея М.А. Мензбир, узнав характерный голос Г.А. Кожевникова, тоже начинал громко звать своего служителя: «Феликс! Феликс! Закрой окна, кто-то там внизу безобразно кричит!» Об этих забавных обычаях чудаковатых профессоров знала вся Москва. В романе М.А. Булгакова «Роковые яйца» профессор Зоологического музея Владимир Ипатьевич Персиков тоже кричит на всю улицу Герцена, призывая своего служителя: «Панкрат! Панкрат!».

В Зоологическом музее все знали, когда профессор Г.А. Кожевников обедал (это было в 5 часов вечера), всем было известно, что после обеда профессор Г.А. Кожевников не менее 3 часов спит. Вечером Г.А. Кожевников шел на какое-нибудь научное заседание, которых тогда в университете было очень много. Перед сном он обязательно обходил помещения Зоологического музея, и бывало, заставал где-нибудь компанию молодых сотрудников и студентов, засидевшихся за чаем или чем-нибудь покрепче. Если в комнате не было посторонних, Г.А. Кожевников мог присоединиться и совсем не тяготил молодую компанию, рассказывая веселые истории о днях своей юности, о шумных «Bierreisen» (путешествиях по пивным) во время своего пребывания в Германии, куда он был направлен вскоре после окончания Московского университета для знакомства с наукой и постановкой преподавания в немецких университетах.

Первое десятилетие XX века – время расцвета русской культуры, серебряный век русской поэзии, русского модерна в архитектуре и русского авангарда в живописи. В наши дни принято идеализировать дореволюционную «Россию, которую мы потеряли». На самом деле обстановка в стране была далеко не идеальной. Россия переживала период бурного промышленного роста, который, однако, не уменьшал социального расслоения общества. Основную массу населения составляли крестьяне, пребывавшие в полуфеодальном состоянии. Знаменитые столыпинские реформы так и не смогли разрушить средневековое общинное землевладение, а выкупные платежи за землю, которые бывшие крепостные выплачивали помещикам после реформы 1861 г., продолжали лежать бременем на плечах крестьянства вплоть до 1917 г. Внешняя и внутренняя политика страны по-прежнему определялась вымороченной дворянской аристократией. Позорное поражение в войне с Японией в 1905 г. поставило самодержавие на грань краха. Все образованные люди понимали, что следующая война будет означать неминуемую революцию и окончательное крушение самодержавия. Кажется, единственным, кто этого не понимал или не хотел понимать, был сам самодержец Николай II, которого современники описывают как человека, не обремененного ни особыми пороками, ни особыми добродетелями. Интересы последнего российского императора не выходили за пределы собственной семьи, и ни к какой государственной деятельности он был не спосо-

бен. Российская интеллигенция в своем большинстве была заражена либеральными идеями и открыто выступала против правительства.

В этом отношении профессор Г.А. Кожевников отличался от большинства своих коллег. Это проявилось и в событиях 1911 г. Тогда, как известно, в Московском университете произошли студенческие волнения, и царский министр Л.А. Кассо ввел на территорию университета жандармов и казаков (что было грубым нарушением автономии университета, куда без разрешения ректора не могла входить даже полиция). В знак протеста подал в отставку ректор Московского университета А.А. Мануйлов и 111 профессоров (среди них К.А. Тимирязев, П.Н. Лебедев, М.А. Мензбир и др.). Уход из университета означал для профессоров потерю службы, жалованья и жилья (подавляющее большинство жило в казенных квартирах). Для многих профессоров потеря любимой работы была тяжелым ударом. Так, выдающийся физик П.Н. Лебедев скончался от инфаркта, не вынеся расставания с университетом. Г.А. Кожевников не поддержал этой акции, он остался в университете. Наверное, ему было жаль расставаться с налаженной и размеренной жизнью, но главное, – при всей своей демократичности, он вовсе не сочувствовал либеральным взглядам.

Внешний облик Г.А. Кожевникова соответствовал и его поведению рассеянного чудаковатого профессора. С ним постоянно случались какие-то истории. Если где-то со стены падала картина, то обязательно на Г.А. Кожевникова. Он мог появиться с синяками и в порванной одежде, объяснив, что только что провалился в водопроводный люк, он оступался на ступеньках, подворачивал ноги и т. и. У таких людей обычно есть сильный ангел-хранитель, который, при всей нескладности их поведения, не позволяет им погибнуть. Только наличием такого ангела-хранителя можно объяснить, что Г.А. Кожевников чудом остался жив после страшной истории, которая произошла уже после установления Советской власти, в 1920 г. Как директор Зоологического музея, Г.А. Кожевников вынужден был регулярно посылать кого-либо из сотрудников для получения денег в банке для финансирования текущих расходов. В эпоху «военного коммунизма» деньги обесценивались с чудовищной быстротой, поэтому делать это надо было очень часто. Обычно за деньгами ездил какой-нибудь молодой сотрудник – мужчина, которому выдавался казенный револьвер «Смит энд Вессон». На кафедре в то время работал молодой ассистент Н.Н. Плавильщиков (впоследствии выдающийся энтомолог и популяризатор науки). Однажды Г. А. Кожевников поручил ему съездить в банк. Как обычно, Н.Н. Плавильщиков привез деньги прямо на квартиру Г. А. Кожевникова. Когда последний начал их пересчитывать, Н.Н. Плавильщиков достал из кармана револьвер и хладнокровно дважды выстрелил в голову профессора. Г. А. Кожевников упал, обливаясь кровью, а на звуки выстрелов прибежала домработница. Н.Н. Плавильщиков направил револьвер на нее и выстрелил, пуля попала в шею несчастной женщины, которая, хрипя и корчась от боли, упала на пол. После этого Н.Н. Плавильщиков преспокойно спустился на этаж ниже, зашел в лабораторию гистологии и завел какой-то ученый разговор. Как это не удивительно, пули не пробили голову профессора. Г.А. Кожевников скоро пришел в себя и, распахнув окно, закричал: «Караул! Профессора Кожевникова убивают!» (он часто говорил о себе в третьем лице).

Когда на улице собралась привлеченная выстрелами и криками толпа, послышались шаги вызванных врачей, милиции, Н.Н. Плавильщиков снова поднялся в квартиру Г.А. Кожевникова «посмотреть, что случилось». Там на него с ужасом показала пришедшая в сознание домработница, и Н.Н. Плавильщикова арестовали и доставили в ЧК. Объяснить происшедшее он не мог. Тот факт, что он не сделал попытки скрыться с места преступления, было расценено как свидетельство его невменяемости. Сыграл роль и такой необычный аргумент защитников Н.Н. Плавильщикова. Они объяснили чекистам, что «на свете существует один миллион видов насекомых, и Н.Н. Плавильщиков знает латинские названия всех этих насекомых. Разве может такой человек быть вполне нормальным?» Н.Н. Плавильщиков

был признан шизофреником и впоследствии долгие годы плодотворно работал в Зоологическом музее МГУ. Перу Н.Н. Плавильщикова принадлежит несколько превосходных определителей и научно-популярных книг, в том числе, и знаменитый «Гомункулус» – увлекательное повествование о выдающихся натуралистах прошлого, – книга, чтение которой привело в науку несколько поколений биологов.

В 1922 г. Советское правительство перешло к чисто административным методам управления высшей школой, лишило Московский университет автономии, в условиях хозяйственного кризиса стало сокращать ассигнования на науку и образование. Ректор университета – известный биолог М.М. Новиков и другие профессора выступили с протестами. Новая большевистская власть не собиралась этого терпеть. В 1922 г. М.М. Новиков вместе с другими выдающимися профессорами (Н.А. Бердяевым, А.А. Кизеветтером, С.Л. Франком, Н.О. Лосским, и др.) был насильственно выслан из страны. Ректором МГУ был назначен историк-марксисит В.П. Волгин, затем – А.Д. Удальцов, а потом – небезызвестный А.Я. Вышинский, впоследствии знаменитый своей жестокостью прокурор-палач на сталинских процессах конца тридцатых годов. Г.А. Кожевников и здесь оказался в стороне, во всяком случае, никто не собирался его высылать вместе с другими выдающимися профессорами.

Профессор Г.А. Кожевников в последние годы жизни

Со второй половины 1920-х годов в университете стала осуществляться политика приема студентов по классовому признаку. В университет направляли рабочих и крестьян «от сохи», малообразованную молодежь, которая должна была стать опорой нового общественного строя. Для поступления в университет в 1920-е годы не требовалось документов об образовании, достаточно было иметь справку о пролетарском или бедняцком происхождении (а без такой справки молодой человек не мог поступить в университет, даже при наличии хорошего образования). Среди пролетарской молодежи были и талантливые самородки, ставшие впоследствии видными учеными, и проходимцы, делавшие карьеру по партийной линии, и просто случайные люди. С этого времени изменился и весь облик университета. Грязь, мусор, заплеванные коридоры, загаженные и испещренные ругательствами туалеты, грязные столовые с хамоватыми подавальщицами, – все это стало обыденностью на десятилетия. Профессора, лишенные каких-либо привилегий, должны были покорно стоять в длинных очередях в общих столовых, ходить в те же грязные туалеты. Пока университет сохранял свою автономию, его руководство поддерживало чистоту и порядок даже в трудные годы гражданской войны и военного коммунизма. Разруха началась уже в относительно благополучные 1920-е годы, и это была, прежде всего, «разруха в головах», по образному выражению М.А. Булгакова.

Многие профессора находили постыдным получать жалованье за службу «хамской власти». Они оправдывались тем, что служат не власти, а науке и образованию. Проф. Г.А. Кожевников говорил, что хотя он и служит новой власти, но советских газет не читает «из принципа». «Так ведь других же нет» – говорили ему. «Вот вы никаких и не читайте», – отвечал Г.А. Кожевников. Читатель без труда узнает в этом диалоге высказывания профессора Филиппа Филипповича Преображенского из романа М.А. Булгакова «Собачье сердце». Наверное, так говорили многие профессора, а М.А. Булгаков хорошо знал профессорскую среду Московского университета. Многие черты характера Г. А. Кожевникова были отражены М.А. Булгаковым в образе другого персонажа – профессора В.И. Персикова из романа «Роковые яйца» (см. выше), хотя сама фамилия главного героя этого романа представляет собой трансформацию фамилии Георгия Георгиевича Абрикосова – тогда еще молодого сотрудника Зоологического музея МГУ. Знаменитая семья Абрикосовых не могла не быть известной М.А. Булгакову. К ней принадлежали промышленники (до революции они владели кондитерской фабрикой «Абрикосов и Эйнем», которая существует до сих пор под названием «Красный Октябрь»), известные деятели науки, культуры и медицины (например, выдающийся патологоанатом академик А.И. Абрикосов). Кстати, недавний лауреат Нобелевской премии 2003 г. физик А.А. Абрикосов – тоже из этой семьи.

Год «великого перелома» – 1929 – был годом больших перемен и в Московском университете. Потеряли свои посты многие выдающиеся ученые старого университета. На их места назначались молодые выдвиженцы, лояльные к большевистскому режиму. Не мог устраивать новую администрацию и типичный дореволюционный профессор Г.А. Кожевников. В 1929 г. он был отстранен от заведования Зоологическим музеем. На этот пост был назначен И.И. Месяцев, который одновременно стал деканом физико-математического факультета МГУ. Иван Илларионович Месяцев участвовал в революции 1905 г. (тогда студенческая боевая дружина сражалась на баррикадах с правительственными войсками и казаками; интересно, что в ноябре 1917 г. московские студенты вместе с юнкерами с оружием в руках боролись уже против большевиков), а в 1929 г. вступил в ВКП (б). И.И. Месяцев казался новым властям более подходящим руководителем, чем старорежимный Г.А. Кожевников. Последнему даже не оставили никакого лекционного курса, и встал вопрос о самом пребывании Г.А. Кожевникова в стенах университета. Грустные растерянные глаза Г.А. Кожевникова на фотографиях тех лет, – не являются ли они отражением того печального недоумения от всего происходящего, которое испытывал воспитанный в старых традициях добросер-

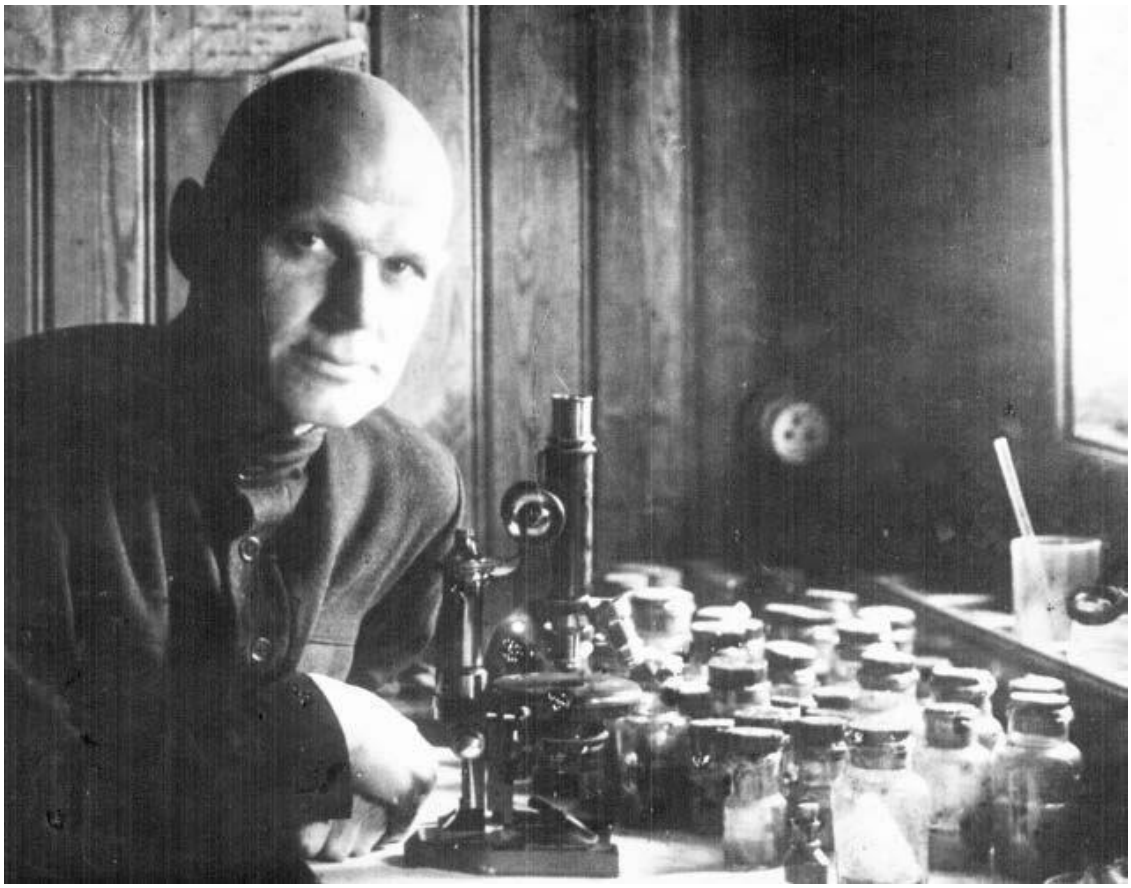
дечный профессор? Г.А. Кожевников остался в университете благодаря помощи своего ученика В.В. Алпатова, который зачислил его в штат своей лаборатории при содействии декана А.М. Быховской (эта замечательная женщина впоследствии едва не стала жертвой сталинских репрессий). Позднее декан географического факультета А.Ф. Мирчинк предоставил Г.А. Кожевникову возможность читать курс зоологии на своем факультете.

Г.А. Кожевников много занимался практическими задачами пчеловодства, а также читал лекции на курсах пчеловодов. С началом коллективизации к пчеловодам появились политические претензии: пчелы никак не хотели жить в колхозах, и пасечники оставались одной из последних групп сельских единоличников. Как специалист по пчелам попал под общую гребенку и Г.А. Кожевников. Его стали вызывать на ночные допросы в ГПУ. После одного из таких допросов Г.А. Кожевников скоропостижно скончался от инсульта. Это произошло в 1933 г.

Г.А. Кожевников дружил с анатомом Б.К. Гиндце, который разработал оригинальный метод изучения сосудов мозга человека. Г.А. Кожевников завещал свой мозг для исследования другу. При вскрытии оказалось, что кости черепа Г.А. Кожевникова обладали необыкновенной толщиной, – вот почему их не пробили пули из револьвера Н.Н. Плавильщикова.

Великий Лев и море

Северный Ледовитый океан всегда привлекал русских людей. Начиная с XIV века, тысячи безвестных землепроходцев осваивали берега и необозримые просторы холодных морей этого океана. Отважные новгородцы, поморы, казаки, а затем офицеры и матросы созданного Петром I флота вели свои суда все дальше, пока весь восточный сектор Арктики не украсился русскими названиями мысов, островов и проливов. Северный Ледовитый океан – это единственное по-настоящему русское море, которое никто не оспаривает у России. Да и сама Россия, почти две трети территории которой находится в зоне вечной мерзлоты, – не есть ли она только побережье Северного Ледовитого океана?



Профессор Иван Илларионович Месяцев (1885–1940)

С исследований арктических морей России начинали свои исследования по морской биологии выдающиеся зоологи Московского университета И.И. Месяцев и Л.А. Зенкевич. Их непосредственным предшественником был один из наиболее авторитетных исследователей животного и растительного мира русской Арктики Константин Михайлович Дерюгин. Выпускник Санкт-Петербургского университета, ученик выдающегося зоолога В.М. Шимкевича, профессор К.М. Дерюгин начал свои исследования биологии северных морей с изучения фауны Кольского залива на специально оборудованном им судне «Александр Ковалевский» и основал морскую биологическую станцию в Кольском заливе. К.М. Дерюгин подробно изучил уникальный природный феномен – реликтовое озеро Могильное на о. Кильдин. Это озеро представляет собой кусочек моря, который несколько тысячелетий назад отделился в результате поднятия мурманских берегов. Верхние слои воды в озере ока-

зались распресненными, а глубины остались солеными и там, отделенные от моря, как в гигантском аквариуме, существуют, видоизменяясь и приспосабливаясь морские беспозвоночные и рыбы. Исследования К.М. Дерюгина, проведенные им в первые десятилетия XX века, стали широко известны в России и в мире.

Ледокольный пароход «Малыгин», на котором И. И. Месяцев и Л.А. Зенкевич совершили первую экспедицию в Арктику

После Октябрьского переворота и гражданской войны, когда российская наука оказалась на грани уничтожения, тысячи российских ученых покинули родину. Оставили Россию и многие коллеги К.М. Дерюгина. Один из его ближайших друзей – известный зоолог и эмбриолог К.И. Давыдов настойчиво предлагал ему уехать во Францию, но К.М. Дерюгин ответил решительным отказом. Оставшиеся ему 20 лет жизни (он умер в 1938 г., в возрасте 60 лет) К.М. Дерюгин посвятил исследованию морей России, работая и за себя и за тех своих коллег, которые покинули родную страну. Он организовал более 50 экспедиций для изучения северных, дальневосточных и южных морей СССР. К.М. Дерюгин осуществил всесторонние исследования животного и растительного мира Белого моря. Его книга «Фауна Белого моря и условия ее существования», опубликованная в 1928 г., вплоть до наших дней остается одним из основных источников сведений по биологии и гидрологии этого водоема. К.М. Дерюгин был одним из создателей в 1919 г. Государственного гидрологического института, организовал Северную научнопромысловую экспедицию, на базе которой впоследствии возник Научно-исследовательский институт Арктики и Антарктики. В 1925 г. по приглашению Дальревкома К.М. Дерюгин приехал во Владивосток и в последующие годы провел первые широкомасштабные работы по изучению фауны и флоры Дальневосточных морей. По инициативе К.М. Дерюгина была создана Тихоокеанская научно-промысловая станция, которая впоследствии выросла в знаменитый Тихоокеанский научно-исследовательский институт рыболовства и океанографии (ТИНРО). Именно К.М. Дерюгин первым начал исследования глубоководной фауны в дальневосточных морях России, достигнув глубин в 4 тыс. м. Неутомимый натуралист, он совершал путешествия в Среднюю Азию, занимался перелетами птиц и многим другим. Он одинаково хорошо знал и беспозвоночных, и рыб, и птиц, был квалифицированным гидрологом и гидрохимиком. К.М. Дерюгин воспитал целую шеренгу зоо-

логов, ихтиологов, гидробиологов, гидрологов и биогеографов. А.П. Андрияшев, М.А. Биркетис, Г.П. Горбунов, Е.Ф. Гурьянова, В.В. Тимонов, П.В. Ушаков и многие другие – ученики К.М. Дерюгина.

Парусно-моторное судно «Персей» – родоначальник советского научно-исследовательского флота

В мае 1921 г. глава нового коммунистического правительства В.И. Ленин подписал декрет об организации планомерных исследований в российских морях. В подготовке этого документа участвовал И.И. Месяцев, Н.М. Книпович и Л.А. Зенкевич. Усилиями сотрудников Института зоологии Московского университета был создан Плавучий морской научный институт (ПЛАВМОРИН). Под руководством его основателя – профессора Ивана Илларионовича Месяцева – было построено первое советское экспедиционное судно «Персей», спущенное на воду в 1923 г. В период с 1921 по 1927 гг. проф. И.И. Месяцев возглавил несколько экспедиций в северные моря СССР. Собственно, с работ И.И. Месяцева берет начало морское направление в деятельности кафедры, и по сей день остающееся одним из основных в учебной и научной работе.

Л.А. Зенкевич в студенческие годы

Арктические экспедиции И.И. Месяцева (в которых принимали участие Л.А. Зенкевич и В.А. Броцкая) на ледокольном пароходе «Малыгин» и научно-исследовательском судне «Персей» протекали в труднейших условиях с многодневными изматывающими арктическими штормами, при постоянной угрозе быть затертыми льдами. Были обследованы обширные акватории Баренцева, Белого и Карского морей. Деревянный «Персей» дошел до высоких арктических широт – севернее 81 градуса с. ш., куда до этого не проникали даже ледоколы. Экспедиции на «Персее» заложили основы отечественной океанологии. Выдающиеся российские исследователи Мирового океана В.Г. Богоров, В.А. Броцкая, Л.А. Зенкевич, Н.Н. Зубов, М.В. Кленова, С.В. Обручев, Т.С. Расс, А.А. Шорыгин, В.В. Шулейкин, В.А. Яшнов и др. прошли суровую школу в арктических плаваниях «Персея». В 1920-е годы все они были еще молодыми людьми. Молодой задор и романтика морских путешествий нашли отражение в «Песнях Персея» – сборнике шутливых песен, стихов и частушек, авторами которых были ставшие впоследствии известными учеными Н.Н. Зубов, Л.А. Зенкевич, С.В. Обручев, В.В. Шулейкин и др. Несколько частушек посвящены Борису Пильняку, известному писателю, который выполнял на «Персее» обязанности гидролога, например, такая (ее автором был К.Р. Оленевский):

«У Бориса Пильняка

От ужасной качки
Появилося во рту
Слишком много жвачки»

Борис Пильняк «отплатил» своим ученым коллегам тем, что описал свои впечатления о нравах и условиях первых советских арктических экспедиций в повести «Заволочье».

Впоследствии проф. И.И. Месяцев руководил (правда, всего один 1929 год) Зоологическим музеем МГУ. Научные интересы И.И. Месяцева концентрировались в области морской гидробиологии. Много сил он отдавал изучению закономерностей миграции и концентрации промысловых рыб, методов их разведки и промысла.

В 1930 г. Л.А. Зенкевич был назначен заведующим кафедрой общей зоологии. Официальный титул «кафедра зоологии и сравнительной анатомии беспозвоночных» появился в 1931 г., в результате реорганизации Института зоологии Московского университета и первым заведующим кафедрой стал проф. Л.А. Зенкевич. В состав кафедры вошли также сотрудники отдела беспозвоночных Зоологического музея МГУ, возглавляемого Г.Г. Абрикосовым, который впоследствии многие годы был официальным заместителем заведующего кафедрой.

Профессор Лев Александрович Зенкевич (впоследствии член-корреспондент, а затем и действительный член АН СССР) заведовал кафедрой в течение 40 лет – с 1930 до 1970 гг. Это была выдающаяся личность, яркий член когорты интеллигентов, получивших образование до 1917-го года. Он родился в 1889 г. в г. Цареве Астраханской губернии. Детские и юношеские годы Л.А. Зенкевича прошли в г. Оренбурге. В гимназические годы Л.А. Зенкевич познакомился с зоологом К.П. Ягодовским, который подарил ему книгу К.А. Тимирязева «Дарвин и его учение». Тем не менее, после окончания гимназии Л.А. Зенкевич поступил на юридический факультет Московского университета.

Как многие студенты Московского университета, молодой Л.А.Зенкевич участвовал в студенческих волнениях в 1911 г. и был выслан из Москвы. Он уехал в Тульскую губернию к отцу – ветеринарному инспектору. Там Л.А. Зенкевич познакомился с энтомологом А.А. Сырокомля-Сопоцько и по его поручению занялся сбором и учетом насекомых. В отличие от большинства энтомологов, интересовавшихся только разнообразием насекомых, Л.А. Зенкевич увлекся количественным учетом фауны. Он размечал площадку размером 0,5 квадратного метра, собирал всех насекомых с этой площадки и подсчитывал их по видам. Интерес к количественному подходу Л.А. Зенкевич сохранил на всю жизнь, и создавшие ему мировую славу работы по применению количественных методов к изучению биологической структуры океана берут начало от тех скромных площадок на лугах Тульской губернии.

Через год Л.А. Зенкевич получил разрешение вернуться в Москву, но на юридический факультет его не приняли как политически неблагонадежного, он продолжил свое обучение в Московском университете на физико-математическом факультете и стал специализироваться по зоологии беспозвоночных. Возможно, юстиция потеряла в лице Л.А. Зенкевича хорошего юриста, но зато естественные науки приобрели выдающегося биолога и океанолога.

В 1916 г. Л.А. Зенкевич по ходатайству Г.А. Кожевникова был оставлен при Московском университете «для приготовления к профессорскому званию». Г.А. Кожевников добился назначения Л.А. Зенкевичу казенной стипендии и вообще выделял его среди выпускников кафедры. Сохранилось индивидуальная рукописная инструкция, написанная

Г.А. Кожевниковым специально для молодого Л.А. Зенкевича. Этот документ так и озаглавлен: «Инструкция, данная ординарным профессором Георгием Александровичем Кожевниковым оставляемому при университете для подготовки к профессорскому званию Льву Александровичу Зенкевичу». В ней на семи страницах четким профессорским почер-

ком написано, что Л.А. Зенкевич должен делать, и чего он делать не должен. Там много конкретных рекомендаций: как подходить к изучению выбранной темы, какие книги и журналы читать в первую очередь, как готовиться к лекциям и практическим занятием и т. п. Но есть там, например, и такие слова: «Чтобы стать на достойную высоту в обеих отраслях деятельности, научной и педагогической, необходимо, прежде всего, глубоко проникнуться стремлением всецело и самоотверженно посвятить себя этой деятельности не ради материальных или служебных выгод, а ради идеального служения науке. Только те люди, которые выше всего ставят это служение, для которых высшее удовлетворение заключается в достижении вершин познания научных истин, становятся настоящими, а не формальными научными деятелями». Этот документ, согласие с которым инструктируемый должен был скрепить своей подписью, Л.А. Зенкевич хранил всю жизнь.

Вступление Л.А. Зенкевича на путь научной карьеры совпало с драматическими событиями в истории Российского государства. В феврале 1917 г. рухнула тысячелетняя российская монархия. Большинство представителей интеллигенции приветствовали Февральскую революцию 1917 г. К этому времени полная неспособность Николая II и его окружения справиться с проблемами, стоящими перед страной, стала очевидной всем. Многомиллионная армия, состоявшая, преимущественно, из крестьян (рабочие многих предприятий, обеспечивающих военные поставки, имели бронь и в армию не призывались), которых научили обращаться с оружием и почти четыре года гноили в окопах, утратила монархистские иллюзии. Бывшая опора престола – кадровое офицерство потеряло уважение к бездарному и безвольному монарху. Отступавшая армия видела причину своих неудач в предательстве и коррупции, охватившей правительство. Солдаты и офицеры презирали беспомощную Государственную думу и лютой ненавистью ненавидели немку-царицу и ее постоянного спутника – «святого старца» Г. Распутина, о бесчинствах и оргиях которого говорила вся страна. Когда на четвертом году войны в столице стало не хватать продовольствия, и обитатели петроградских рабочих окраин вышли на улицы, самодержавие уже некому было защищать, «и забрызганная кровью и грязью телега романовской империи опрокинулась на крутом повороте истории». Бескровная, не имевшая персонифицированных лидеров, истинно народная революция февраля 1917 г., казалось, открывала перед измученной страной перспективы быстрого экономического и социального развития. Увы, накопившийся за многие десятилетия груз социальных и политических проблем оказался слишком тяжел.

Стихию русского бунта, который за целое столетие до этого был назван великим поэтом «бессмысленным и беспощадным», сумела оседлать небольшая группа амбициозных радикалов, которые до того отсиживались в тихой и благополучной Швейцарии. В их головах причудливо соединились утопические мечтания французских и английских аристократов, сложная экономическая наука кабинетного немецкого профессора (которую, в свое время, Г. Уэллс остроумно назвал такой же необъятной и запутанной, как борода ее создателя) и безжалостный разрушительный нигилизм С.Г. Нечаева и других российских «бесов». Все это, помноженное на чудовищное, испепеляющее властолюбие их суетливого вождя образовало ту адскую смесь, которая могла взорвать мятущуюся и наивную Россию. «Чтобы построить социализм, надо выбрать страну, которую не жалко», – сказал в свое время канцлер Германской империи Отто фон Бисмарк. Германский генеральный штаб, к 1917 г. осознавший бесперспективность войны на два фронта, жалеть Россию не собирался. Несмотря на состояние войны с Россией, немецкое правительство переправило через свою территорию группу русских социалистов-интернационалистов, дошедших в своем интернационализме до того, чтобы добиваться «поражения в войне собственного правительства». В апреле 1917 г. В.И. Ленин и его единомышленники ступили на российскую землю. Эксперимент по построению социализма «в одной отдельно взятой стране», эксперимент, для которого,

по словам великого российского физиолога И.П. Павлова, он «пожалел бы даже лягушку», начался.

В результате этого безжалостного эксперимента на территории бывшей Российской империи возникло общество, от которого с негодованием отвернулись бы и англо-французские утописты-мечтатели, и запутавшиеся в своих построениях бородатые немецкие экономисты, и даже отечественные нигилисты-нечаевцы. Вся собственность была объявлена принадлежащей народу. На деле ей распоряжалась узкая бюрократическая прослойка партийных и советских руководителей, так называемая «номенклатура». Такая «коллективная» форма управления богатствами страны породила безответственность и бесхозяйственность на всех уровнях. В борьбе с этим злом правящая верхушка пыталась использовать жесткую партийную дисциплину («Положишь партбилет на стол!» – стучали кулаком вышестоящие начальники, обращаясь к проштрафившемуся руководителю завода, председателю колхоза или директору школы) и тотальную бюрократизацию всей страны (число партийных и советских бюрократов в СССР многократно превосходило численность чиновников в царской России). И, тем не менее, безответственность и бесхозяйственность так и остались своего рода «родимыми пятнами» нового социалистического общества.

Создается впечатление, что заблудившиеся в многотомных собраниях сочинений классиков марксизма-ленинизма советские экономисты забыли относящееся еще к XVIII веку высказывание основателя политической экономии Адама Смита: «Человек, который не в состоянии приобретать собственность, не может иметь никаких интересов, кроме как есть побольше и работать поменьше». Когда в конце сороковых годов приглашенный в Советский Союз Мао Цзе-дун, глава только что ставшего социалистическим Китая, надувая щеки, спросил у И.В. Сталина: «Какая главная задача стоит перед руководителями таких великих стран, как Советский Союз и Китай?», – многоопытный вождь народов, посасывая трубочку, раздумчиво ответил: «Главная задача – заставить людей работать». Чего только не перепробовали советские руководители в поисках стимулов к труду в обществе, где собственность была объявлена пережитком капитализма: и стахановские почины, и романтические песни А. Пахмутовой, и пресловутое социалистическое соревнование, которое пытались внедрить не только в производство, но даже в правоохранительные органы и пожарную охрану. На эту тему даже защищали кандидатские и докторские диссертации. Так, например, диссертация С.В. Степашина, которую он защитил в советское время, так и называлась: «Социалистическое соревнование в пожарной охране» (впоследствии специалист по социалистическому соревнованию в пожарной охране стал одним из активных деятелей в правительстве Б.Н. Ельцина, даже побывал на посту премьер-министра). Тем не менее, несмотря на все усилия властей, отсутствие реальной заинтересованности людей в результатах своего труда стало бичом всей хозяйственной системы советского общества и главной причиной низкой производительности труда во всех сферах производства. Чтобы заставить людей работать на чуждую им номенклатуру, большевики возродили жестокие и архаичные формы производственных отношений. Сельских жителей загнали в колхозы, лишили паспортов и превратили в бесправных крепостных крестьян, которые обязаны были «за палочки» трудодней гнуть спину на государственной барщине и платить оброк в виде натурального налога. В середине XX века в Советском Союзе, который официальная пропаганда объявляла «самым передовым общественным строем», в массовом масштабе использовался рабский труд. На стройках социализма, особенно в 1930-1940-е годы, трудились миллионы рабов из концентрационных лагерей, а для своевременной поставки заключенных в ГУЛАГ (который стал важнейшим составным элементом хозяйственной жизни страны, его деятельность планировалась Госпланом, были выработаны «научно-обоснованные» нормы питания и содержания рабов, правда, более жесткие, чем те, что за 2000 лет до этого Катон-младший рекомендо-

вал для «орудий говорящих») была создана мощная система репрессивных органов ОГПУ-НКВД-КГБ и пронизывающая все общество сеть стукачей и доносчиков.

Сотрудники и студенты кафедры зоологии беспозвоночных на Севастопольской биологической станции в 1937 г. Верхний ряд (слева направо): директор станции В.А. Водяницкий, Г.Г. Абрикосов, неизвестная, Г.М. Беляев, Л.Б. Левинсон, Ф.А. Лаврехин. Нижний ряд (слева направо): Н.П. Сытина, Н.Ю. Соколова (стоит), Л.А. Зенкевич, И.Н. Верхоустинская (стоит)

Слово «свобода» всегда написано на знамени всех революций, независимо от их реального содержания. Большевистский переворот не был исключением. Под лозунгам «освобождения трудящихся» российское общество шагнуло в царство чудовищной несвободы, перед которой даже жизнь в дореволюционной России выглядела верхом либерализма. На несколько десятилетий страна была лишена всех институтов демократии – выборов, независимого суда, свободной прессы и т. д. Откровенно высказывать свое мнение о порядках в стране стало невозможно, а в 1930-1940-е годы – смертельно опасно. Неосторожного разговора с приятелем могло быть достаточным для того, чтобы получить «десять лет без права переписки» (на деле это означало расстрел в застенках НКВД) или погибнуть от непосильного труда в лагере. ГУЛАГ нуждался в постоянном пополнении, и 4 миллиона доносов, написанных бдительными гражданами на соседей по коммунальной квартире и сослуживцев, были неплохим подспорьем для доблестных органов НКВД, озабоченных своевременной поставкой рабов на государственную каторгу. Принятая в 1936 г. «самая демократическая в мире» конституция «была не предназначена для применения». С середины 1920-х годов в стране стала действовать все более жесткая идеологическая цензура, охватывающая все средства массовой информацию, искусство и даже научные публикации. Выдержанные в духе «социалистического реализма» произведения литературы, кинофильмы и спектакли описывали проблемы и ситуации, которых не было в реальной жизни, а подлинно художественные произведения объявлялись нетипичными, формалистическими и запрещались к публикации. Несколько поколений советской интеллигенции были вынуждены жить и тру-

диться в обстановке духовной несвободы. Найти в этих условиях достойную линию поведения было непростой задачей для каждого, кто выбирал карьеру в науке и образовании.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.